

Когда Колумб открыл Америку, в ней уже было семь вятских плотников. И сейчас вятские, временно Кировские, плотники не растеряли былой славы, донине нарасхват у разных подрядчиков. То-то теперь стало ясно этим подрядчикам, как зря они нанимали кавказских и закарпатских шабашников, которым платили много, а строили те так, что их строения не дожили не только до коммунизма, но даже до демократии. Но это к слову.

Николай и Виктор — мастера на все руки. Приезжают в Подмосковьё на заработки. Они там появились, когда их нанял земляк строить дачу. Быстрая, красивая работа была замечена в дачном посёлке, пошли заказы, выстроилась очередь. Ещё бы: Николай и Виктор — и плотники, и столяры, и печники, и кровельщики, и электрики. Курящие, но непьющие. Берут недорого, в еде непривередливые. Николай зарабатывает на машину, а многодетному Виктору мечтать не о чем, все его деньги уходят на одежду, обувь и еду для детей.

Сейчас мастера делают баню для молодого пенсионера-лётчика. Лётчик заказал чуть ли не дворец. Баня с размахом: сауна, бассейн три на четыре, предбанник с камином.

Откуда материалы, где взял пенсионер денег, чтоб соорудить такое счастье жизни, Николаю и Виктору неизвестно. Да и зачем знать? Их наняли — они делают.

Пенсионер-лётчик, бывший, как он говорит, деревенский житель, крутится около и старается помочь. Конечно, он больше мешается, но плотники деликатно благодарят, когда он хватается за бревно, пусть и не с той стороны. Топором он действует неуклюже и опасно, но машет отчаянно. А может, виной вчерашняя выпивка? То-то он всё подговаривается к опохмелке. Он вроде в шутку выговаривает мастерам, что те непьющие.

Николай, боясь травматизма со стороны лётчика, объявляет перекур. Он считается старшим. Виктор тоже садится курить.

— Чего ж,— говорит Николай,— попили водчонки, было. А если на заработках пить, тут не полбеда, а вся беда.

Виктор понимает, что сейчас Николай будет рассказывать свою историю, которая называется «Полбеда». Ему нужен повод, и, хотя Виктор слышал историю десятки раз, он даёт необходимую реплику:

— А чего полбеда?

— Полбеда — это когда башка трещит,— говорит лётчик,— а беда — это когда опохмелки нет, так?

— Так, да не совсем,— говорит Николай.— Это вот я на Житомирщине служил...

— Летал, летал,— перебивает лётчик,— летал. Всё была своя страна, сейчас зарубежье. Получается, что я на международных линиях работал. Я так жене пошутил — она прицепилась: проси добавки к пенсии.

— Ну и вот,— продолжает Николай, его не собьёшь,— служил. И нас гоняли на винзавод. Мы это дело любили.

— Ещё бы! Меня сейчас бы и гнать не надо!

— Пригонят, поставят. Мы вначале напьёмся, потом у кого понос, у кого насморк. Но это ещё полбеда.

— А что беда? — наконец интересуется лётчик.

— А посмотрелся я на это производство. Там везут самосвалами фрукту, они так говорят: не фрукты, а фрукту.

Везут, всё это уже гнилое и чёрное, а запах — с ног сшибает. Но это ещё полбеды. Всё это валят в ямы, а ямы обиты ржавым железом и глубиной метров шесть-семь. Но и это полбеды. Туда спускают женщин фрукту топтать. Они целый день работают, не будешь же их доставать в туалет ходить...

— Сейчас блевать начну,— говорит лётчик.

— Нет, и это полбеды. Потом это сырьё из чанов вычерпывают в другие чаны, бродильные, там отжимают, жмых по ленте идёт опять же в самосвалы, и везут его на корм скоту. Коровы бесятся и доиться перестают, а свиньи уже ничего другого жрать не хотят. Но и это ещё полбеды. Над этими чанами воздух чёрный, это тучи мух, они в этой винной жидкости тонут миллиардами. Фильтров я там не заметил. Но и это полбеды.

— Но будет когда-нибудь беда или нет? — спрашивает лётчик.

— Я ему говорю: тебе бы с лекциями против пьянства выступать; это бы лучше действовало, чем когда кодируют, людей убивают,— вставляет Виктор.

— А бегают ещё там...— Николай делает паузу,— крысы и мыши, и все уже там давно они пьяницы, ориентировку теряют, допиваются до того, что в чаны падают и там разлагаются.

— Брошу пить,— говорит лётчик.

— Приходят машины, вроде как ассенизационные, эту жидкость засасывают и везут её, называют её виносмесь, на крепление спиртом. А как спирт делают...

— Не надо — просит лётчик.— Так в чём же, наконец, беда?

— А беда в том, что человек видит всё это, видит и всё равно пьёт — вот беда.

— Пьём,— соглашается лётчик.— Сейчас ты только одного добился — что я окончательно от всех этих ужасов выпить захотел. Я вас знаете чего, мужики, прошу. Я хозяйке скажу, что вы, когда рядились, вы про выпивку из приличия отказались, для блезиру выпейте. Ну хоть граммчик. Меня

поймите. У меня, вы ж бывали в таких ситуациях, у меня припрятано. Но нужно при ней выпить, чтоб потом на это дело и свалить. стакан хлебану, это ж слёзы, только растравить, меня пожалейте. А мы потом сочтёмся,— намекающе говорит он.

Лётчик, считая дело сделанным, уходит, а плотники заплёвывают окурки и начинают затягивать на сруб очередное бревно.

— Придётся выручать,— говорит Николай.— Не скажешь же ему, что я леченый.

— Да и мне нельзя, могу сорваться,— говорит Виктор.— Ну до чего же все московские мужья перед жёнами трусят. У нас разве так? У нас захотел — выпей. Главное, чтоб именно дома выпил, а не где-то, вот за этим следят. А тут такая конспирация.

Их зовут обедать. Обед хороший. Хозяйка выставляет вино, говоря, что белая будет на вечер, а пока это. Лётчик преувеличенно восторгается и первым, и вторым. Он повеселел, расширился в плечах. Ему хочется всем сделать приятное. Он требует от Николая повторить рассказ про полбеда. Николай отнекивается, но рассказать приходится. Сильно сокращая эпизоды, рассказывает. Но хозяйке не смешно. Поджав губы, она говорит, что уж вот это вино — марочное, что уж оно-то не с того завода.

— Это-то да,— многозначительно рассматривая этикетку, говорит лётчик.

Ему хочется повернуть разговор в высокие сферы, дать понять мастерам, что он не так себе, что он ещё и начитанный.

— Сейчас много чего открывается. Слышали — Гитлер до ста трёх лет жил, слышали? А труп тогда спецслужбы сожгли, чтоб Сталину угодить. И врача, который написал о пломбе в зубах, быстро уконтрапунили. Это ж политика. Вот и Риббентроп, который фон Иоахим, пишет Шелленбергу и материт Англию, это тридцать девятый год, что Англия нас ссорит с Россией. И в том же году что? Шестьдесят лет Сталину, который Иосиф. И Гитлер ему объясняется в любви,

и Сталин обратно так же. Но Англия, заметьте, поссорила. Нет, я так думаю, это когда-нибудь поймут. А Никитка, который Хрущ, надиктовал на магнитофон, что Сталин подписал пакт с Германией, бегал и кричал: «Надул Гитлера! Надул Гитлера!» И так далее соответственно. А Гитлер в ночь на двадцать второе июня, именно в эту ночь, пишет дуче, который Муссолини: «Я решил положить конец лицемерной игре Кремля...» Что? Какой вывод? Англия поссорила.

— Ах ты, моя Жозочка,— нежно говорит хозяйка чёрной кошке.— Болеет моя Жозочка, моя Жозефиночка.

— Как болеет? — спрашивает Виктор.— Мурлычет же.

— Очень плохо кушала утром.

— Кошки живучие,— Виктору хочется успокоить хозяйку.— Кошку убей да перетащи на другое место — она оживёт.

Перекурив, начинают работать. Лётчик, дозаправив себя запасным горючим, улетает в области заоблачных снов.

Плотники идут работать. Николай лезет на сруб.

— А не верю я, что он в лётчиках такие хоромы заработал. Не верю,— говорит он сверху.— У нас, помнишь Гену-лётчика, пятьдесят не было, закопали, в заполярке летал. Помнишь? Что он скопил? Дом поправил да «жигулёнка» нового взял. Всё! А здоровье где? А этот — тумба, жиртрест, легче перепрыгнуть, чем обойти. Честный, что ли? Конечно, воровал. Или ворованное возил. Не зря же говорили, сколько при Ельцине золота увезли. Тот же Руцкой.

— Давай спросим нашего «лётчика»,— говорит Виктор.— Откуда деньги, спросим.

— Да ну его! Да подавись все они!

— Вот и «да ну»! Оттого, что не спрашиваем, они, такие, будут жрать да спать, а мы будем горбатиться. Сбрось верёвку,— просит Виктор.

— Зачем?

— Чего спрашивать? Верёвки пожалел. Тут Господь Бог Царствия небесного не жалеет, а ты верёвку пожалел.

— Небесное? Небесного нам не будет.

— Да,— соглашается Виктор,— не за что. Я в Ульяновске служил, там был городской парк, и в нём памятник отцу Ленина, оказывается, в этом парке было кладбище. Сохранили только одно захоронение, а была там могилка Андреюшки, юродивого, её тоже заровняли. Так вот, во все годы женщины около могилы дежурили, чтоб никто ногами не ступил. А недавно у меня там зять был, говорит, что на этом месте сделана Андреюшке часовня.

— А у нас в Яранске, ты ж знаешь, был совсем недавно Матвей. Старец. Его могилу вообще бетонировали. Так за ночь бетон ломами разломали и земельку брали. Он завещал: ходите ко мне на могилку.

Во время нового перекура Виктор горько говорит:

— Плохо, что выпил. Сейчас меня может потянуть. Ну и всё. Не скажешь же им, что я леченый.

— Зря, конечно. Но он просил же.

— Отказать не можем, сами дураки. Вообще, во всём дураки.

— Нет, можем,— вдруг твёрдо говорит Николай.— Мне мать рассказывала, она из того же Яранского района, Беляевского сельсовета. Вот уж кому будет Царство небесное.

— Кому?

— Были муж и жена. Уже в годах. И вот пришла революция. Они поняли: пришёл антихрист. Они приели весь царский хлеб, а большевицкий есть не стали, сказали: грех антихристов хлеб есть. Приели царский хлеб, при царе выращенный, приели, легли на разные лавки и умерли.

Они какое-то время молчат, потом принимаются за работу. Виктор потихоньку запеваёт, под песню легче работать:

Пилим, колем ёлочку, сосну.

Эх, пилим, колем ёлочку, сосну.

Пилим, колем и строгаем,

Всех ментов переругаем.

Ах, зачем ты меня, мама, родила?